

«Эхо революции»: рефлексия, дискуссии, критика

Н.В. Иллерицкая

Великая российская революция 1917 г. в трудах современных историков (историографический обзор)

В статье делается попытка выявить и проанализировать изменения в трактовке центральной проблематики революционных событий в России в 1917 г. в трудах современных академических историков. В качестве основных историографических источников привлекаются тексты известных историков-профессионалов обобщающего характера, поскольку они наиболее репрезентативны с точки зрения подведения исследовательских итогов и обозначения перспектив в разработке актуальной проблематики истории России начала XX в. Автор статьи ставит перед собой задачу определить наличие приращения научного знания в выделенных текстах в методологии общей историографии. Основное внимание сосредоточено на аналитической и прогностической функциях историографии.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г., историки-профессионалы, современное интеллектуальное пространство, историографические источники, приращение научного знания.

Подготовка к 100-летию юбилею Великой российской революции 1917 г. породила огромное количество публикаций самого разного уровня исполнения и назначения. В этом бурном потоке почти утонули труды историков-профессионалов, которые презентовали результаты своей сложной и важной работы по решению наиболее актуальных проблем современного историописания, связанных с революционными событиями 1917 г. Именно поэтому в представленном обзоре я сконцентрирую свое внимание на историографических источниках, которые вышли из-под пера высоких профессионалов, признанных специалистов по политической истории России начала XX в.

Как известно, политическая история долгое время была наиболее консервативной областью исторической науки, поэтому интересно проанализировать, какие изменения произошли в ее академической сфере в связи с особой актуализацией событий революционного процесса 1917 г. Исходя из этой задачи, я сочла наиболее репрезентативными для ее решения тексты статей Ю.А. Петрова, В.В. Шелохаева и В.П. Булдакова, носящие обобщающий характер и опубликованные в 2017 г. в преддверии юбилея в специализированных научных изданиях.

Первой в этом ряду по проблемно-хронологическому принципу, принятому в историографии, следует рассматривать статью Ю.А. Петрова «Россия накануне Великой революции 1917 года: современные историографические тенденции»¹. Статья посвящена анализу трудов историков, рассматривающих политические, социальные, экономические и гуманитарные проблемы, породившие российскую революцию 1917 г. Автор сосредотачивается на новых идеях, сформулированных профессиональным сообществом историков. Как известно, наиболее «пострадавшей» от советской историографии в контексте вызревания российской революции 1917 г. была проблематика Первой мировой войны и Февральской революции: их представляли только как катализатор и прелюдию Великого Октября. Поэтому именно эти проблемы и их новационная интерпретация в современной историографии делаются центральными в статье Ю.А. Петрова.

Первая мировая война теперь рассматривается как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии². В исследованиях современных историков начинает преобладать мнение, что причины российской революции 1917 г. коренятся в сложности модернизационных процессов в России. В связи с этим внимание исследователей, как отмечает автор, в настоящее время концентрируется на изучении состояния политической жизни в стране накануне революции 1917 г.³ Не обходит вниманием Ю.А. Петров распространение в последние годы в исторической науке конспирологической версии истории российской революции 1917 г. Однако он подчеркивает архаический характер данной версии в понимании исторических процессов и, поэтому, ее научную бесперспективность⁴.

Основное внимание Ю.А. Петров сосредотачивает на качественных изменениях, которые произошли в самой исследовательской парадигме, что повлекло за собой появление новых направлений в историографии, таких как: изучение поведенческих стереотипов населения, исследование эволюции сознания различных социальных слоев и повседневной жизни России в годы войны и революции⁵. Историки окончательно отвергли взгляд на православную

церковь как на оплот контрреволюции. Автор подчеркивает, что современная историография все чаще обращается к проблеме России как функционирующего полиэтнического государственного образования эпохи модерна, поэтому в центральную проблематику исторического знания переместилась тематика окраин и регионов страны.

Отличительной чертой статьи Ю.А. Петрова является то, что он не замыкается в рамках отечественной историографии и обобщает наработки зарубежной русистики. Автор подчеркивает, что одной из основных тенденций современной западной историографии является стремление рассматривать революцию как часть кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием Гражданской войны. В таком ракурсе наполняются новым содержанием темы готовности России к войне, социально-экономическая и внутренняя политика последних лет империи. Активно разрабатываются такие ранее слабоизученные аспекты, как морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «жертвам войны», историческая память россиян о Первой мировой войне⁶.

Таким образом, по мнению автора, тема России кануна Великой революции 1917 г. и для отечественной исторической науки, и для зарубежной русистики – тема традиционная, но отнюдь не исчерпанная и открывшая в последнее время множество новых граней: жизнь России в эпоху «великих потрясений» ждет своих новых исследователей.

Статья Ю.А. Петрова привлекает внимание широтой охвата источников, однако она сконструирована в классической модели проблемной историографии, т. е. демонстрирует нарративистский методологический подход. Автор в назывно-перечислительном порядке констатирует вклад различных историков в разработку новой версии пролога российской революции 1917 г., однако не анализирует интеллектуальный контекст, который сделал возможным подобную научную трансформацию. Это снижает историографическую значимость статьи, поскольку смысл любого текста может быть понят только в контексте.

Тему пролога Великой российской революции продолжает статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)»⁷. В тексте статьи определена цель: показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном этапе их эволюции – в 1917 г. Автор совершенно справедливо начинает с тех исследовательских итогов, которые были достигнуты в исторической науке к началу 90-х гг. XX в. В советской историографии, как известно, в качестве

методологического основания бытовала ленинская классификация политических партий, которая была малопродуктивна для выяснения положения дел в политическом спектре российских партий. Поэтому, как подчеркивает В.В. Шелохаев, советские историки освещали весь период революционных трансформаций 1917–1920 гг. с позиций «победителей» и «побежденных»⁸.

Эмигрантская историческая литература осталась в плену «синдрома побежденных», а зарубежная историография основывалась, в первую очередь, на трудах эмигрантских авторов. В конце 1980-х гг. ситуация стала постепенно меняться, но качественный перелом в историографии наступил лишь во второй половине 1990-х гг. в ходе подготовки и реализации многотомного проекта «Политические партии России. Документальное наследие»⁹. Анализ источников, которые вошли в это фундаментальное документальное издание, показал, что политические партии России имели сугубо интеллигентский, неклассовый характер. Этот новационный вывод стал общепризнанным в отечественной и зарубежной историографии. В.В. Шелохаев справедливо отмечает, что именно интеллигентский характер партий предопределил непримиримую политическую и идеологическую борьбу между ними и внутри них по проблеме будущего России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила эту ситуацию¹⁰.

Многослойную конструкцию политических партий России автор обоснованно предлагает подразделять на партии консервативные, либеральные и социалистические. С его точки зрения существенный прорыв был сделан тогда, когда исследователи отказались от тенденциозных рассуждений по поводу характера и деятельности этих партий и перешли к осмыслению их места в событиях революции 1917 г.

В результате обобщения современных историографических наработок в области исследования российской многопартийности В.В. Шелохаев приходит к следующим выводам.

1. Революция 1917 г. привела к качественному изменению конфигурации российской многопартийности. В Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации: революция стала завершающим этапом в их истории.
2. После Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном лагере. Либеральные партии правого фланга и «центра» заметно радикализировались, пытались подстроиться под новую политическую реальность. Осталась только одна эффективная либеральная политическая партия – Конституционно-демократическая. Члены кадетской партии делали все возможное, чтобы не дать революции развиваться дальше, но остановить национальную катастрофу не смогли.

3. Февральская революция и последующие события значительно изменили социалистические партии и организации: произошло резкое разделение их на умеренные и радикальные. Развитие революции 1917 г. превратило социалистов-революционеров и социал-демократов в непримиримых политических противников;
4. После Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских партий.
5. Революция заставила политические партии пересмотреть их программы и тактические установки. Октябрьский переворот стал совместным делом леворадикальных партий, а не одних только большевиков¹¹.

В результате В.В. Шелохаев приходит к прорывным для современной историографии выводам: российская революция 1917 г. показала неустойчивость российской многопартийности. На победу смогли рассчитывать только партии, опиравшиеся на традиционное массовое сознание народа. Партии парламентского типа вынуждены были сойти с политической сцены¹².

В.В. Шелохаев не игнорирует прогностическую функцию историографии. Он пишет, что, несмотря на достижения последних лет, логика развития науки требует дальнейших усилий историков в деле изучения российской многопартийности. К чему же должны историки приложить усилия в первую очередь? По мнению автора статьи, исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот новых источников из региональных архивов и местной периодической печати. Это значит, что предлагается экстенсивное развитие исторической науки, когда приращение научного знания осуществляется за счет расширения источникового пространства и этот вектор развития рассматривается как основной, с чем трудно согласиться. Правда, в заключении статьи есть предложение обратиться к методологии новой политической истории (хотя в самом тексте упоминания этого термина нет, но можно предположить по смыслу), которая актуализирует процессы принятия партийных решений, их мотивацию и аргументацию, связи с электоральными слоями и т. п., т. е. работает в пространстве истории и политологии. Реализацию такого подхода можно только приветствовать, ибо он потребует от историков применения современных междисциплинарных методов исследования, что, в свою очередь, в перспективе выведет изучение темы на неклассическую рефлексивную модель исторического знания.

Как развитие обозначенных в предыдущих статьях сюжетов можно рассматривать статью В.П. Булдакова «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем»¹³. Статья вызывает большой интерес.

Привлекает внимание сама постановка проблемы, а сверхзадача, сформулированная автором, звучит очень актуально: «Автор показывает, что всякая революция связана с определенным набором мифических представлений о прошлом и будущем»¹⁴. С эти трудно спорить, тем более что автор дает свое определение мифа: это «переживаемая реальность»¹⁵. Однако далее из текста следует, что В.П. Булдаков пытается разоблачить миф демократической революции. В создании этого мифа автор обвиняет и современников, и сторонников «рационального» объяснения революционных событий в историографии, и историков-эмигрантов. Сам автор исповедует циклическое понимание истории, объясняя это весьма оригинально – относительной неизменностью человеческой природы и тем, что «непросвещенные» массы мыслят образами утраченного «светлого прошлого»¹⁶.

Российская империя, по мнению В.П. Булдакова, может быть представлена как устойчиво-неравновесная система авторитарно-патерналистского типа. Такой организм не демонстрирует инновационность, но способен на мобилизационные усилия в экстремальных обстоятельствах, когда народ должен реагировать на всеобщую угрозу. Российская империя старалась черпать опыт управления в традициях прошлого. Царь жил прошлым, что и привело к столь успешному перевороту в 1917 г. Империя оказалась во власти малых возмущений, слухов и сплетен, т. е. «феминизированный» тип волнений охватил всю страну. В России тяга к демократии возникла в связи с потребностью «демократизации» самодержавия. Народ же остался почитателем власти, понятно сформированной по принципу «большой семьи», которой нужен был только «хороший отец», т. е. правитель¹⁷.

Основной миф, считает В.П. Булдаков, который обеспечил крах послефевральских действий, связан с тем, что русская интеллигенция верила в формальную демократию, т. е. в политическую многопартийность. Многопартийность в России воспринималась как синоним демократии, но, по мнению автора, была лишь показателем развала прежних принципов авторитарно-патерналистского существования. Партии в России были опасны тем, что в целом они создавали «подстрекательскую» среду. Все интеллигентские партии (а все политические партии и были интеллигентскими) в большей или меньшей мере оказывались утопичными в самых своих основаниях. Поэтому партии усугубляли социальный хаос, который непереносим для людей традиционной культуры¹⁸.

Статья В.П. Булдакова написана выразительным языком, местами даже чересчур хлестко, автор весьма критичен по отношению к практикам современного отечественного историописания.

В связи с этим возникает надежда, что в предложенном тексте будут продемонстрированы методологические подходы новой исторической науки. Но по мере углубления в конструкцию статьи выясняется, что в действительности автор не исходит из тезиса, что миф – это иррациональный способ освоения окружающего мира. Как известно, в современных интеллектуальных реалиях мифу приписывается поведенческий характер и мифологизируется эмоциональная жизнь человека. Но автор статьи понимает миф просто как искажение действительности. С такой постановкой вопроса сталкиваешься в самом начале статьи, когда В.П. Булдаков определяет основное занятие профессионального историка – держать оборону против нескончаемого мифотворчества, хотя он понимает, что это практически безнадежно. И он прав, ибо историк может аргументировать свои доводы бесконечным множеством фактов, т. е. предлагать рациональные конструкции, а люди психологически предрасположены верить в простые объяснения, бытующие в массовом сознании.

В.П. Булдаков справедливо замечает, что человек склонен навязывать событиям былых лет логику современности. Для историка-профессионала это непростительный грех, но для людей, не обремененных профессиональной подготовкой, это обычный способ взаимодействия с прошлым. С этим трудно не согласиться. Однако автор, являясь историком-профессионалом, неоднократно сам разрешает себе проводить прямые аналогии между событиями 1917 г. и современностью (в частности с 1991 г.), т. е. впадает в грех модернизации. Кроме того, В.П. Булдаков призывает историков научиться беспристрастно смотреть в лицо революционной действительности (как будто это возможно). То есть историк, как следует из текста статьи, в лучшем случае может быть участливым «соглядатаем» и никак не больше. Поэтому миф в такой интеллектуальной конфигурации может заслонить собой историческую реальность, поэтому историю можно представить как коловращение мифов, а мифы изживают себя только путем самоистощения. И единственным противоядием против мифотворчества остается, по мнению В.П. Булдакова, наука история¹⁹.

Так что же получается в итоге? Историографический анализ текста статьи дает возможность сделать вывод, что его интеллектуальная конструкция остается в пределах классической рефлексивной модели и вся новизна сводится к изменению фактографической конфигурации.

Таким образом, в современной историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан шаг вперед: переформатирована сама тематика российской революции 1917 г.; достигнута

репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников. Это привело к переопределению исследовательских задач и дальнейших ориентиров разработки проблематики российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий. Но все эти достижения сделаны за счет экстенсивного освоения интеллектуального пространства. Образ российской революции 1917 г. несколько скорректирован, а не наполнен новыми смыслами. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания и самоопределения современного общества.

Примечания

¹ Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3–16.

² Там же. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5–9.

⁶ Там же. С. 9–12.

⁷ Шелохаев В.В. Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Непосредственно периоду революции 1917 г. посвящены: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. М., 1994–1997; Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 2000.

¹⁰ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Там же. С. 36–39.

¹² Там же. С. 40.

¹³ Булдаков В.П. Революция 1917 года: мифы, которые мы выбираем // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Научный журнал. 2017. №1. С. 39–62.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 40–43.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же. С. 58.